

15. Вып. 1. Стб. 53; Троицкая летопись. С. 364. На фоне такой летописной ремарки невозможно не говорить об обострении политической ситуации в Северо-Восточной Руси.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 350.
5. Там же. С. 350-351.
6. См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53; Троицкая летопись. С. 364.
7. Троицкая летопись. С. 364-365.
8. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53-54.
9. Янин В. Л. О «черном боре» в Новгороде в XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 98-107.
10. НПЛ. С. 352.
11. Там же.
12. Там же. С. 352-353.
13. Янин В. Л. Указ. соч. С. 102.
14. В 1329 г. «князь Александръ, сложа крестное целование, отъиде в Литву (из Пскова — А. С.), а княгиню свою ту оставивъ». См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 23, 92.
15. «Плесковици изменили крестъное целование к Новуграду, посадили собе князя Александра из литовъския руки». См.: НПЛ. С. 343.
16. Там же. С. 343-344.
17. Там же. С. 345-346.
18. Там же. С. 353.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. НПЛ. С. 363.

*Виктор Иванович КОСТЕНКО —
доцент Омского государственного
университета им. Ф. М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент*

УДК 331.8

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу социально-культурных и политико-правовых предпосылок политической культуры на различных этапах развития российского общества. Эти предпосылки рассматриваются в рамках системного анализа, их взаимодействия и взаимосвязи.

The author analyses social, cultural and legal and political prerequisites of political culture at various stages of the Russian society development. These prerequisites, their interaction and interference. are considered within the limits of the consecutive analysis.

Больше десяти лет в России конструируется демократическая политическая система, но по содержательным характеристикам ее функционирование во многом не соответствует реалиям современной демократии, на которую ориентируется российская политическая система. Трудности становления демократии в России на всех ее уровнях: структурном и функциональном, федеральном и региональном, гражданского общества и личности — обусловлены отсутствием политической культуры демократического типа. На это противоречие обращали

внимание основоположники современного концепта политической культуры Алмонд и Верба в своем труде «Гражданская культура», «Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственных институтов и написании Конституции. Они могут сосредоточивать усилия на формировании политической партии, чтобы стимулировать политическое участие масс. Но для развития стабильного эффективного демократического управления требуется нечто большее, нежели определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от политической культуры. Если она не способна поддерживать демократическую систему, шансы последней на успех невелики» [1; 498]. Описанная Алмондом и Вербой ситуация неоднократно повторялась в политической истории России, когда политические лидеры, пытаясь модернизировать политическую систему, разрушали существующую. Но в результате модернизации появлялась «новая» политическая система, усиливающая авторитаризм, отражающий многовековую эволюцию российского этатизма и соответствующую ему политическую культуру, которая является неотъемлемой частью общенациональной культуры. Следовательно, политическая культура, во многом воздействуя на политические и правовые процессы, в конечном итоге сама определяется внешней по отношению к ней социокультурной средой. Поэтому без соответствующих изменений в самой культуре модернизация политической системы невозможна, поскольку предпосылки этой модернизации еще не сформировались в социокультурной среде.

Поэтому необходимо понять, что из себя представляет российская политическая культура? Как она взаимодействует с общенациональной культурой? Какие условия необходимы для ее демократизации? Как мог бы протекать процесс становления политической культуры демократического типа в современном российском обществе? Эти вопросы очень актуальны в политической теории и практике становления современного российского общества. Указанные проблемы будут предметом исследования в данной работе в историческом становлении политической культуры.

Современные научные исследования политической культуры российского общества носят, на взгляд автора, односторонний некомплексный характер. Во-первых, это выражается в том, что основная часть исследований не затрагивает государственно-правовых аспектов политической культуры, их роль, место, их влияние на ее специфику и параметры. Это характерно не только для таких новых научных направлений, как политология, культурология, политическая социология, антропология и психология, но и для таких традиционных, проходящих этап методологического обновления, как правоведение, государствоведение, история и теория государства и права. Во-вторых, многие работы в плане политической культуры посвящены критике советской научной традиции в исследовании политической культуры с позиций различных западных школ, главным образом американской. При этом авторы пытаются методологию этих школ применить к современной российской действительности. В таком случае, по мнению А. А. Зиновьева, нарушается закон «одноразовости компонентов социальной организации» и получается что-то вроде социально-теоретического «рогатого зайца» [2; 301].

В данном случае автор, много лет занимавшийся исследованиями истории становления политических и правовых институтов с очень обширными и глубокими знаниями предмета исследования, закономерно ставит вопрос о необходимости применения комплексной методологии в теории государства и права. Она должна исследовать функционирование государственно-правовых институтов во взаимосвязи с общественно-политическими и социальными процессами.

Вне этих взаимосвязей государственно-правовые исследования не оказывают должного воздействия на общественно-политическую практику.

Исследования в сфере общественно-политических процессов обусловлены их сложностью и неоднозначностью, что требует адекватных методологических средств. В этой связи автор считает важным более подробно рассмотреть эти средства в плане становления политической культуры, прежде чем приступить к анализу собственно политической культуры. Методология исследования, если не полностью, то во многом определяется, во-первых, предметом, во-вторых, ракурсом, а в-третьих, методом исследования. Поэтому оправданно начать исследование политической культуры с обращения к ее онтологии и гносеологии не только в рамках, но и за рамками современной научной традиции. Обращение к политической и социальной истории при рассмотрении проблематики политической культуры оправданно методологически. При таком подходе разграничивается онтологическая и гносеологическая сторона изучаемого явления на различных этапах его становления. Рассмотрение генезиса понятия уже в определенной мере задает параметры исследования, его сущности, структуры и содержания. Онтологический аспект отражает исторический ракурс становления политической культуры.

Применительно к юриспруденции на необходимость такого разнопланового подхода обращает внимание В. С. Нерсисянц: «Не лучше обстоит дело с теорией и методологией юриспруденции, с их исследованиями. Вся эта проблематика, как правило, сводится к дежурным суждениям о предмете и методе теории права и государства», и с сожалением отмечает «наличие в нашей юридической науке существенных пробелов и недостатков в исследовании и освещении вопросов онтологии, гносеологии и аксиологии юриспруденции» [3; 1].

Политическая культура в самом широком смысле означает меру соответствия политики государства той социальной среде, в которой она реализуется. В этом плане уже Аристотель при анализе государственного устройства греческих городов-полисов подчеркивал, «что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо». Вся политика Аристотеля посвящена тому, «как может быть наилучшим образом устроена жизнь для большей части государства и для большинства людей» [4; 591]. Способом достижения наилучшего государственного устройства для большинства граждан, писал Аристотель, является демократия, поскольку началом демократического строя является свобода, основанная на равноправии.

Выводы Аристотеля о целях политики, формах государственного устройства, законах были тесно связаны с политической жизнедеятельностью полиса, которая охватывала и отражала все стороны его социальной жизнедеятельности. Гражданин полиса, по Аристотелю, есть существо и нравственное и социально-политическое. Поэтому «понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom человеческой справедливости, является регулирующей нормой политического общения» [4; 380]. Аристотель рассматривает полис-государство во взаимосвязи всех его аспектов: этических, социальных, гражданских, правовых, политических. Все они аспекты жизнедеятельности полиса, и роль государства — организовать их в наилучших сочетаниях в целях благоденствия его граждан, только тогда в полисе будет порядок, «ибо порядок и есть закон» [4; 48]. Выводы Аристотеля комплексны и, говоря современным языком, системны. В них замечены и сформулированы общие тенденции взаимодействия политических, государственно-правовых институтов с социокультурной средой.

В этом состоит онтологическое, гносеологическое и методологическое значение работ Аристотеля. Ибо каждое новое поколение исследователей обращается

к работам Аристотеля, чтобы понять тот масштаб изменений, которые произошли и происходят на каждом новом историческом этапе в обществе, государстве, праве, в гражданском положении индивида по сравнению с их истоками. Ведь само понятие политики исторически и содержательно связано с полисом-государством, поскольку этимологически город-государство, полис происходят от древнегреческого слова «polis». В этой связи необходимо подчеркнуть, что политику не следует полностью связывать с властью. Политика есть вид общественной деятельности, а политическое в своей основе есть социальное явление.

Идеи Аристотеля и его последователей об установлении справедливых правильных отношений между государством и обществом индивидов начали реализовываться в политической и правовой практике с XVII — XVIII в.: Билль о правах, Хабеас корпус акт, Декларация прав Вирджинии 1776 года, Декларация независимости США 1776 г., Конституция США 1787 г., Французская декларация прав человека и гражданина 1789 г. и др.

Идеи Аристотеля и его последователей о взаимосвязи демократического устройства государства и участия граждан в его управлении в целях общественного блага, по мнению Алексея де Токвиля, в наибольшей мере нашли свое отражение в Америке. Он в первой половине XIX в. публикует свой труд «О демократии в Америке», в котором рассматривает государственное устройство США в плане его полезности для общества и личности. А. Токвиль отмечал, что «эмигранты, поселившиеся в Америке в начале XVII в., высвободили, так сказать, принцип демократии от всех других, с которыми он должен был бороться в среде старинных европейских обществ, и посадили его в чистом виде на берега Нового света. Там он мог свободно расти и, видоизменяясь вместе с нравами, получить спокойное развитие в законодательстве». «Общественный строй американцев в высшей степени демократичен. Таков он был. Таков был его характер при основании колонии, таков же он и в настоящее время, т. е. через сто лет» [5; 35]. А. Токвиль подчеркивает, что «равенство общественных положений есть та первопричина, из которой вытекают, по-видимому, все другие частные факты». Самой существенной особенностью демократического устройства Америки А. Токвиль считал, что в нем «общество действует само собою и на себя; всякая власть существует только в его среде», но в свою очередь «общественное равенство и демократическое управление оказывают влияние на гражданское общество, на обычаи, на понятия, на нравы» [5; 1,43,10].

А. Токвиль, как и Аристотель, рассматривают одну и ту же проблему: соотношение и взаимодействие государства, общества и индивида в рамках форм государственного устройства, демократии, политики, прав и свобод граждан. В этой связи оправданно делать вывод о том, что собственно проблематика культурологического соотношения политики и общества имеет длительные исторические традиции.

Эти традиции отражают фундаментальные проблемы человеческой жизнедеятельности, которые так или иначе свойственны всем народам и цивилизациям. В соответствии со сложившимися историческими фактами и культурными основами эти проблемы в различной мере понимаются, осознаются и решаются. Но если становление любого социума происходит в определенной последовательности и определенных формах, то, очевидно, существуют и относительно общие закономерности взаимодействия форм политической и социальной жизнедеятельности как в целом, так и в их различных аспектах. Эти закономерности состоят, по мнению В. О. Ключевского, в том, что «каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своей собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями... полном и стройном развитии всех элементов общежития и в таком их соотношении, при котором каждый элемент развивается и

действует в меру своего нормального значения в общественном составе, не принижая себя и не угнетая других» [6; 61].

Следует согласиться с мнением историков о том, что проблематика политической культуры и связанные с нею понятия употребляются уже не одно тысячелетие (как утверждает Алмонд). XX в. показал огромное многообразие политико-культурных процессов, которые при всех своих национально-культурных особенностях имели свои типовые закономерности. Наиболее видимая из них в том, что существует корреляция между социально-культурными и политическими процессами на институциональном и поведенческом уровне, которая терминологически была обозначена как политическая культура.

Рассмотрение политической культуры как самостоятельного явления получает широкое распространение во второй половине XX в., хотя сам термин в научной и публицистической литературе появился значительно раньше.

Термин «политическая культура», характеризовавший гуманный аспект политики, впервые применил немецкий мыслитель Иоганн Гердер при изложении своего учения о прогрессе в истории, поступательном развитии человеческого рода и о его последовательной гуманизации общества. В России в конце XIX в. термин «политическая культура» встречается в работах профессоров Московского университета В. Герье, Казанского университета В. Иванковского, американского исследователя Э. Джеймса и др. Исследования российской культуры в последней четверти XIX в. становятся неотъемлемой частью российской философской, социологической, политической, правовой мысли. Но сама эта мысль явилась отражением общественной потребности российского общества в попытках понять себя, определить свою специфику, уяснить факторы, сдерживающие его культурное развитие.

Многие представители русской общественно-политической мысли XIX в. давали свои объяснения и указывали основной фактор, который сдерживает полноценное развитие российского общества. Таким фактором, считал Д. И. Писарев, является деятельность великих людей. «Деятельность всех так называемых великих людей была совершенно поверхностна и проходила мимо народной жизни, не шевелила и не пробуждала народного сознания... Деятельность великих людей была постоянно вредная, потому что претензии этих господ постоянно превышали их силы» [7; 51]. П. Я. Чаадаев писал: «В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс. Одним словом, мы жили и сейчас живем лишь для того, чтобы преподать великий урок отдаленным потомкам, которые поймут его: пока, что бы там ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумного существования. Я не могу довольно надивиться на эту пустоту, на эту поразительную оторванность нашего социального бытия. В этом, наверное, отчасти повинна наша непостижимая судьба» [8; 26]. В. С. Соловьев обосновывал состояние российского общества тем, что «великое историческое призвание России, от которого только получают значение его ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова... Такой народ не должен иметь никакой специальной ограниченной задачи, он не призван работать над формами и элементами человеческого существования, а только сообщать живую душу, дать жизнь и целостность разорванному и омертвелому человечеству через соединение его с вечным божественным началом» [9; 29-30]. П. А. Кропоткин и М. А. Бакунин такой фактор видели в царизме, дворянах, помещиках, которых необходимо свергнуть революционным путем [11; 543]. Н. А. Бердяев считал отрицательным разрушающим фактором российского общества революции и революционеров. Все революции, политические и социальные, заигипнотизированы влюбленной ненавистью к старой жизни, природа их психологически реакционная [10; 484]. Исследования состояния человека и человечес-

кого общежития начали интенсивно развиваться в начале XX в. в российской философии, социологии, педагогике, юриспруденции.

Сторонники социологического подхода при исследовании русского общества и его культуры в лице В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, В. О. Мачинского, М. М. Ковалевского, П. А. Сорокина, Н. И. Кареева, Б. А. Кистяковского и др. считали, что государство не создает культуру. Оно само явление культуры и может либо способствовать, либо препятствовать развитию культуры. В определенной мере их в начале XX в. обобщил и выразил П. Н. Милюков. Он подчеркивал, что при всех различиях переходных эпох в различных странах их исследователи подчеркивали общую тенденцию о доминирующей роли личности, постепенно освобождающейся в процессе общественного развития и становящейся движущей пружиной самого общественного процесса [12; 44].

В начале XX в. проблематика культуры наиболее широко анализировалась в теологии, политике и социологии. Первые рассматривали развитие культуры в России через религиозную духовность и православные ценности. Вторые без революционных преобразований не видели развития России и ее культуры. Марксисты исходили из объективного характера событий культуры. В ней духовность, ценности вторичны по отношению к общественной деятельности, которая создает новую пролетарскую культуру. Фактором создания новой культуры В. И. Ленин считал политическую культуру, цель которой воспитать «истых коммунистов» [13; 404]. Теологизация и политологизация культуры в России начала XX в. носили псевдокультурный характер. Они с разных позиций проводили одну идею о том, что культура должна воплощать идею государства, пролетарского, православного, а государство стимулирует и направляет развитие культуры.

Одним из первых ученых России с различных сторон и аспектов рассматривает государство, право, политику Б. Н. Чичерин. В своих работах: «Опыты по истории русского права» (1858); «О народном представительстве» (1866); «История политических учений» (в 5-ти частях, 1869-1902); «Собственность и государство» (в 2-х томах, 1881-1883); «Курс государственной науки» (в 3-х частях, 1894-1898); «Философия права» (1900); «Вопросы политики» (1903) и др. Б. Н. Чичерин обосновывает идеи о том, что состояние естественного права в конкретной стране зависит от уровня социокультурного развития общества в рассматриваемую эпоху. Конечная задача государства заключается в обеспечении свободы личности.

В 20-х гг. XX в. еще шла дискуссия о путях развития культуры, но уже в 30-50-е гг. в политической и партийной литературе постоянно повторяется тезис об отсталости культуры от политических и государственных задач строительства коммунизма.

Можно сказать, что рассмотрение культуры после 1917 г. основывалось на подходах, которые трактовали культуру как часть государства, государственной идеи. Поэтому культура вторична, а государство первично. Оно задает рамки развития культуры. Политическая культура в этом контексте рассматривалась как та часть культуры, которая в наибольшей мере отражает идеи государства в культуре и является механизмом преобразования социальных отношений в политических целях, осуществления государственных задач и государственной политики. В 30-х гг. эта точка зрения становится официальной и рассматривается как составная часть марксистско-ленинского учения, определяющая все остальные подходы при исследовании соотношения государства и общества. В обоснование этой методологии формируются теории исторического материализма и научного коммунизма, которые, по мнению Н. Н. Тарасова, являются теориями-образцами.

Они выполняли роль официальных марксистско-ленинских установок, которые осуществляли «методологическое управление» исследовательской практикой советской общественно-политической науки независимо от степени их осознания и целевого применения. В советский период теории-образцы, особенно в общественных науках, не возникали случайным образом. Они тщательно «селекционировались в соответствии с политическими целями государства, а неуклонное следование им имело общеизвестные механизмы стимулирования» [14; 30]. Добавим от себя, что эти механизмы были эффективны в силу того, что за ними стояли механизмы репрессий, устранявшие из научной среды всех тех, кто не следовал теориям-образцам и их методологической парадигме. Применительно к культуре в целом и политической в особенности эти методологические установки были сформулированы в марксистской литературе еще в 20-е гг.

Марксисты считали, что самой передовой и развитой культурой обладает пролетариат. Г. В. Плеханов утверждал и обосновывал то, что именно пролетариат, являясь самым бедным, в то же время является «самым развитым из всех общественных классов» [15; 88]. С этих позиций А. Богданов разрабатывал теорию пролетарской культуры, которая должна быть чистой, ясной и свободной от чуждых ей примесей. Для этого пролетариат создает свое сознание, свою поэзию, науку, воспитание и даже пролетарскую технику [16; 140, 195, 198, 208, 231]. Пролетарская культура означает высшие нормы и ценности. После революции, считал А. Луначарский, именно пролетариат как правящий класс диктует свою культуру в силу того, что «пролетариат по своему существу есть культурный класс», который не должен быть стеснен старым жизненным укладом, старой культурой — рухлядь есть рухлядь [1; 10].

Исходя из теоретической концепции пролетарской культуры, В. И. Ленин писал: «Мы, пролетариат России, впереди любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти» [18; 306]. Поэтому «пролетарская демократия, одной из форм которой является советская власть, дала невиданное в мире развитие и расширение демократии» [19; 256]. В 20-е гг. В. И. Ленин уточнил концепцию основного субъекта пролетарской политической культуры, которым является коммунистическая партия: «Для нас принципиально не может быть сомнения в том, что должно быть главенство коммунистической партии. Таким образом, цель политической культуры, политического образования — воспитать истых коммунистов, способных победить ложь, предрассудки и помочь трудящимся массам победить старый порядок и вести дело строительства государства без капиталистов, без эксплуататоров, без помещиков» [13; 404].

Культурный процесс с позиции истых коммунистов состоит в том, что «пролетарская культура перейдет в культуру социалистическую, которая затем перейдет в высшую фазу своего развития — коммунистическую культуру», затем «станет культурой общечеловеческой, культурой всего мира» [20; 13,31]. В плане этой перспективы перед партией и государством стояла задача совершить культурную революцию — поднять культуру народа путем политического воспитания и образования в целях строительства социализма и коммунизма. Поэтому закономерно, что исследования культуры в целом и политической культуры в особенности до середины 50-х гг. были возможны только в рамках радикально-пролетарской марксистской методологии. Но в этих рамках они были, с одной стороны, не нужны, поскольку их полностью заменяли государственные установки 20-х гг., а с другой стороны, они были просто невозможны, в силу немедленного пресечения всех этих попыток, если они противоречили партийно-политическим установкам. На это обстоятельство обращалось внимание в официально-политической литературе, где отмечалось, что политической культуре не придавали серьезного значения. Это было заложено Сталиным. При нем о по-

литической культуре не могло быть и речи, поскольку «она совершенно не вписывалась в его политику» [21; 279]. Это закономерно, поскольку теория и практика строительства социализма и коммунизма до середины 50-х гг. XX в. были основаны на утопических воззрениях и опирались не на реальность, а на партийно-государственный аппарат.

Пролетарская политическая культура как явление теории и практики утопична во всех ее аспектах, так как утопичны представления о превосходстве пролетарской культуры над культурой буржуазной, народной, национальной. Утопичны также представления о перерастании пролетарской политической культуры в социалистическую, коммунистическую, общечеловеческую. Политическая культура пролетариата переросла в прошлое — политическую культуру абсолютного самодержавия, породила государство всеобщего насилия, которое внедряло утопии социализма и коммунизма. Опыт «пролетарской политической культуры» свидетельствует о том, что культура не создается политическими институтами. Создание государством новой культуры означает разрушение основ существующей общенациональной культуры, что ведет либо к ее уничтожению, либо к отбрасыванию на более низкие уровни культурного развития, в том числе и в плане государства и права.

Первая половина XX в. — очень значимый этап в онтологии политической культуры. Именно в первой половине XX в. два крупномасштабных социально-политических эксперимента в 1917 г. в России и в 1933 г. в Германии были показательны в том, что окончательно прояснили возможные границы и последствия воздействия государства на общество. Их суть и в том, что государство при всей своей мощи насилия не может создать соответствующей его потребностям социокультурной системы. Крах наиболее крупных и масштабных по своему насилию экспериментов, как и их вариаций во многих странах Европы, Азии, Африки, подтверждает основную закономерность социокультурного развития. Оно заключается в том, что политика, государство и право обусловлены социокультурными системами, которые определяют содержание и направления их развития. Независимо от конкретных и случайных обстоятельств гитлеровского и сталинского режимов они были обречены социокультурно, поскольку отдельные, даже самые значимые формы культуры, к каким относятся политика, государство и право, не могут существовать вне их социокультурной среды и тем более не могут ее создать. Господство тоталитарных государств во всех странах доказало их внекультурный характер, но, с другой стороны, эти государства отразили потребность социокультурных систем в целостности, которая позволяет им развиваться. В этом состоит онтологическая потребность общества, мера которого требует осмысления и осознания того, что в конечном итоге образует теоретическое поле концепта политической культуры, т. е. меры взаимодействия политики и культуры, которая способствует развитию последней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 598.
2. Зиновьев А. А. Постсоветская Россия в эпоху глобализации // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 1-2 (11-12). С. 299-317.
3. Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 1998
4. Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
5. Алексей де Токвиль. О демократии в Америке. М.: Книжное дело, 1897. 620 с.
6. Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т. 1. 430 с.
7. Писарев Д. И. Исторические эскизы. Избранные статьи. М.: Правда, 1989. 608 с.
8. Чаадаев П. Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 655 с.

9. Соловьев В. С. Философская публицистика. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. 687 с.
10. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.
11. Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. 621 с.
12. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
13. Ленин В. И. Полн. собр. соч в 55 т. Т. 41. 471 с.
14. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 263 с.
15. Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Избранные философские произведения. М.: Политиздат, 1956. 471 с.
16. Богданов А. А. Культурные задачи нашего времени. М., 1911. 92 с.
17. Луначарский А. В. Культурные задачи рабочего класса. М., 1918. 16 с.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 36. 471 с.
19. Ленин В. И. Полн. собр. соч. в 55 т. Т. 37. 485 с.
20. Полянский В. О пролетарской культуре. Ростов н/Дону: Донское областное отделение государственного издательства, 1921. 48 с.
21. Социализм между прошлым и будущим /Под ред. О. Т. Богомолова. М.: Прогресс, 1989. 420 с.

*Наталья Николаевна РОДИГИНА —
старший научный сотрудник кафедры
отечественной истории Новосибирского
государственного педагогического университета,
кандидат исторических наук, доцент*

УДК 947(571)+947

ОБРАЗ СИБИРИ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПО ИСТОРИИ XIX в.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена реконструкции образа Сибири в учебной литературе по истории XIX в. Выявлены основные контексты формирования и фрагменты образа региона, транслировавшегося «учащейся» России и моделировавшие содержание представлений о Сибири в общественном мнении пореформенной России.

The author surveys how the image of Siberia is reconstructed in contemporary textbooks devoted to the history of the 19th century, and traces basic contexts and fragments of the image of Siberia that was offered to Russian schoolchildren and students and shaped their idea of the territory.

Даже для людей далеких от педагогики очевидно, что учебная литература обладает не только большим информационным потенциалом, она оказывает существенное влияние на конструирование картины мира будущих взрослых, формирование их ценностных ориентаций. Авторы учебной литературы и разножанровых произведений для детей целенаправленно, а порой и неосознанно моделируют отношение к реальности юных читателей, существенно предопределяя содержание их исторических представлений. Какую информацию о Сибири предлагали для осмысления своим читателям авторы школьных учебников по истории XIX в.? Каким представлялся образ региона со страниц учебных пособий? Какие именно реалии сибирской жизни казались наиболее существенными для авторов учебников и отражались в их содержании? Ответы на эти вопросы помогут конкретизировать представления об источниках формирования образа региона в общественном мнении России, понять природу стереотипов массового сознания в отношении Сибири.

Основными источниками для написания статьи послужили учебники по истории И. К. Кайданова, С. М. Соловьева, Д. И. Иловайского и И. И. Беллярминова.